

Эвелина Азаева

Случай на дороге

Эвелина Азаева. Журналист. Родилась и выросла в Алма-Ате, окончила факультет журналистики КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске, работала собкором газеты «Комсомольская правда» по Сибири. Лауреат премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года живет в Торонто. В 2004–2017 гг. издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Собкор КП в этой стране. С 2018 года издает газету на английском языке «York Region Review». Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде.

Здравствуйте, меня зовут Александр Суханкин, я канадский иммигрант. Приехал в Торонто из Алма-Аты и живу здесь уже семь лет. За это время я сократил свое имя до Алекса, нашел более или менее стабильную работу по своей компьютерной специальности, купил в кредит дом, и от меня ушла жена. Жена ушла не к мужику, а к бабе. Здесь она вдруг поняла, что любит женщин.

Одиннадцатилетняя Маруся, наша дочь, разумеется, живет со мной. Вот я написал «разумеется», но на самом деле вовсе и не разумеется. В Канаде гомосексуальным парам детей дают воспитывать с гордостью, фото таких семей печатают на первых страницах газет. Но, к моему счастью, бывшая супруга с ее подругой растить Марусю не возжелали и удовлетворились тем, что моя дочь будет посещать их по выходным. Я бы, конечно, и это запретил, но если я только посмею не пустить Машку к матери, ко мне приедут двое, с конвоем. Оденься, скажут мне, и выходи.

И тогда Машку отдадут матери насовсем, поскольку я — нарушитель прав женщины и гомофоб. А ничто в Канаде не является для ее граждан более мерзким. Каждый приехавший должен зарубить себе на носу, что в стране этой уважать он обязан женщин, гомосексуалистов, полисменов и бобров с гусями — символами Канады.

Поэтому каждые выходные я отпускаю Маруську к жене с неопишымым чувством. Во мне кипят ненависть, стыд и страх. Страх, что дочка увидит что-то непотребное, что... в общем, вы понимаете, что в итоге я останусь без внуков. Да и без дочки.

И тогда я буду совсем один. Я часто думаю об этом. Дочь — единственное, что у меня есть.

А женщины, спросите вы. А женщин у меня нет. Когда работал на стройке и ездил на подержанной машине, к женщинам подходить было бесполезно. Сейчас не шарахаются, но теперь шарахаюсь я. Последнее мое знакомство зовут Ольга, она тоже иммигрантка. Едем мы с ней в первую нашу встречу в моей машине, она в солнцезащитных очках. Я ей: «Какие у тебя очки красивые!». Она: «Хочешь, продам? Всего семьдесят пять долларов». И тут же начала мне пропихивать, наряду с очками, какие-то пищевые добавки и фильтры для воды.

Я даже и не знаю, есть ли здесь женщины, в мозгах которых не наступает замыкание, как только они понимают, что я не только сексуальный партнер, но и потенциальный покупатель. А ведь я не уродлив, мне всего тридцать пять, и в Алма-Ате я женщинам нравился.

Я уже и не сужу их, канадских женщин. Система заглотнула их с каблучками, и даже наши иммигрантки, кто быстрее, а кто медленнее, перестраиваются. Однажды случайная знакомая привела меня в пустую квартиру и отдалась. Я думал, это любовь. Я трепетал, я чуть не плакал. А она, после всего, спросила, обедя красивыми глазами комнату: «Тебе здесь нравится?» И в ответ на мой неосмысленный, совершенный в состоянии аффекта кивок, добавила: «Хочешь купить?»

Оказалось, риэлтор. И это — квартира на продажу. Хозяева — в Штатах. Я думал, это любовь, а это был «шоуинг».

Маруська в этом году пошла в новую, католическую, школу. Эти школы лучше, и я долго обивал пороги, чтобы туда приняли мою дочь. А мне в ответ говорили: «Нельзя, вы православные». А я им указывал на то, что у них учатся дети моих друзей — прихожан Украинской православной церкви. А мне говорили: «Да, потому что украинцы с нами сотрудничают, а русские — нет».

В итоге, через школьное управление и с помощью благотворительной католической организации, которая помогает всем, независимо от конфессиональной принадлежности, Марию все-таки приняли. Одной ее подружкой в классе стала еврейская девочка, а второй — иранка. Но я не стал спрашивать, сотрудничают ли раввины и имамы с католиками больше, чем православные. Радость — она молчалива, это недовольство кричит.

Раньше Машка училась в обычной государственной школе. И у нее были проблемы. Одна, например, возникла после того, как учительница сказала на уроке: «Заметьте, все католические страны — богатые. А все православные — бедные». Маруся сообщила, что Россия до революции была одной из самых богатых стран, да и после революции превратилась в могущественную державу, а сейчас снова набирает обороты, даже флаг в Арктике поставила.

Этого делать было не нужно. Особенно про Арктику. Оценки у моей Мери упали. Потом мы съездили с Машкой на Кубу, оба были в восторге, и, естественно, что когда мы вернулись и в школе ей задали написать реферат про любую страну, она выбрала Кубу. Накатала десять страниц, на обложку приклеила фото Фиделя Кастро, Че Гевары, и нарисовала кубинский флаг.

Реферат вернулся с самой плохой оценкой...

А вскоре на Машку вызвали полицию за то, что она якобы сексуально приставала к однокласснице. Это выразилось в том, что девчонки повздорили в туалете, и моя со злости оттянула резинку на трусах у неприятной ей особы и отпустила. Вообще, оттянуть резинку у канадской девочки нетрудно: стринги у них выглядывают из джинсов, мода такая. Та пошла к директору и сказала, что Мария пыталась снять с нее трусы. Директор вызвал полицию...

Как нас запугивали полицейские — это не описать.

И мы перешли в другую школу.

Это было четвертого сентября, в первый школьный день. Марусю обещали забрать в школу на школьном автобусе. Она поднялась ни свет, ни заря, нарядилась — белый верх, темно-зеленый низ, форма такая, — и стала ждать, пока проснусь я. Потом торопила, потом побежала впереди меня к перекрестку, где должен был ждать автобус. Я смотрел на дочь и думал: как все-таки славно устроены дети — у меня ее школа оставила горький осадок, а она уже за лето все забыла.

Автобус не пришел. Мы простояли двадцать минут и поняли, что пора ехать своим ходом, иначе опоздаем. Машка страшно волновалась: в новую школу, в первый день, и опоздать! Только мы выехали из своего переулка, как ко мне сзади пристроилась полицейская машина. Мигает...

— Вы превысили скорость, — сообщила мне похожая на бульдозер полицейская. Она была в бронжилете и темных очках — совсем как в боевиках. — Ваши права!

Она разглядывала права, а я разглядывал ее в зеркальце заднего вида. Типичная канадская ментура. По внешности они их выбирают, что ли? Коренастая, твердо стоящая на ногах, этакий мустанг. Волосы — светлые, за-

бранные в пучок. Сняла очки. Глаза — светлые. Они в большинстве своем голубоглазые, эти полисвумен.

Знакомые, сталкивавшиеся с канадской полицией по всякого рода мелким делам — кто-то выгнал неплатящего квартиранта, другой совершил мелкую аварию — говорят, что полиция ведет себя жестко. Подозревают, что из нелюбви к русским. Но доказательств нет, напрямую никто ничего не говорит. А взгляды и тон к делу не подошьешь. Коллега-араб рассказывал, что с ним обращались вообще как с животным. Вернее, хуже, чем с животным — к животным в Канаде отношение любовное. Так что, может быть, полиция вообще со всеми такая сволочная, а может только с иммигрантами, и не важно, из какой страны...

— Ну когда же нас отпустят? — нервничает Маруська. Я и сам уже тарабаню пальцами по рулю. Опаздываем. Уж выписала бы Мустанг штраф и отпустила.

А она пишет и по радиации разговаривает. Выйти к ней и попросить отпустить нас быстрее — нельзя. Положено оставаться за рулем, а то могут принять за нападение. И начать стрелять. Случаи уже были. Когда стреляли, скажем, в семнадцатилетнего мальчишку, начавшего вытаскивать руки из карманов. Полицейскому показалось, что тот вынимает оружие, и пацана убили. Потом какая-то газета напечатала список убитых полицией за последние годы. Внутреннее расследование показало, что полицейские во всех случаях были правы...

— Ну, хоть бы по ногам стреляли! — возмущалась тогда жена моего приятеля.

— По ногам нельзя: выживший потом полицейского засудит, потому бьют наверняка, — объяснял ей муж.

— Ну, тогда должны делать контрольный выстрел! — смеялся я.

— Мне опоздание запишут! — Машка расстроена, чуть не плачет.

Выхожу из машины, руки держу чуть в стороны, как балерина, чтобы было видно, что в них ничего. Иду к Мустангу. Походка у меня при этом несмелая, а спина — согнутая. Так, наверное, крепостные к барину подходили.

— А можно я отвезу дочь в школу и вернусь? Это рядом, а то мы опоздаем, — прошу.

— Езжайте, — отвечает Мустанг. — Встретимся здесь же.

Я отвез Марию в школу, она выскочила и побежала к входу. Увы, мне уже не познакомиться с учителем, не помочь Маруське найти, где ее новый класс. Меня дама ждет.

Мустанг меня верно ждала. Она вручила мне «тикет» — бумажку о штрафе. Я не спорил, что не превышал скорость. Потому что бесполезно.

Этим можно только усугубить ситуацию. Я хоть и взволнован, но помню, что бобров и полицию надо уважать.

Когда полицейская машина уехала, я посмотрел в «тикет». Там было написано, что я ехал со скоростью 60 км/час по улице, где положено ехать со скоростью 40 км/час. Это было неправдой. Я ехал по улице, на которой движение — 60 км/час. Название улицы было указано неправильно. Я решил идти в суд и оспаривать штраф.

И тут я увидел, что и время, в которое меня остановили, тоже указано неправильно. Там стоит 9:22, а сейчас еще 8:40. Сообразил, что в суде придется доказывать, на какой именно улице дело было, а доказательств нет, но мне больше поверят, если я докажу, что и время указано неправильно.

Недалеко от моего дома — офис министерства транспорта. Я поехал туда. Должен успеть. Они увидят, что я в девять часов у них, значит остановит в 9:22 меня никак не могли, значит, они могут на штрафной квитанции написать, что я у них нахожусь в девять утра уже с «тикетом». Стало быть, офицер написала неправду. А там, где одна неправда, там и две... Так я рассуждал по своей русской логике.

В офисе министерства транспорта очередь. Я отстоял к окошечку, в котором сидел пузатый, будто надутый воздухом, блондин моего возраста.

— Мы таких справок не даем! — сообщил.

— Но вы видите, что я у вас, а еще нет девяти утра, а офицер написала, что я ехал в 9:22 с неположеной скоростью, — объясняю. — Если вы подтвердите, мне легче будет доказать, что и улицу офицер неправильно указала, и вообще зря на меня штраф навесила. Тут дело не в деньгах, просто зачем обманывать?

— А откуда вы знаете, какое время указано на «тикете»? — нагнулся ко мне Пузырь. — Может, это московское время?

Я застыл.

— Может, это московское время, а может, нью-йоркское, а может, парижское, — вертелся на стуле служащий, и по выражению его лица я так и не мог определить, шутит он или всерьез.

— По торонтскому времени, — наконец, проронил я изумленно.

Он расхохотался.

— Не факт. Может быть, все-таки время московское, так что платите штраф. Старичок в очереди тоже рассмеялся.

— Это вы мне про московское время, потому, что я русский? — догадался я.

Пузырь смотрел с насмешкой.

— Вам нравится унижать иммигрантов, да? — произнес я громко.

Очередь оглянулась на меня, но я уже не видел лиц. Я вышел и направился к своей машине. Лицо мое пылало. Мелькнула мысль об отъезде

домой, но дома не было, и я знал, что никуда я не поеду. В Алма-Ату не вернешься, русские там, когда я уезжал, в девяностые, были людьми второго сорта, а второго сорта я могу быть и здесь. В Россию ехать? Там у меня никого нет, родню разметало по республикам СНГ и дальней загранице. Маруська, к тому же, выросла в Канаде, и хоть и говорит по-русски, а не пишет и с трудом читает. Да и мать ее не даст разрешения на вывоз ребенка. А без разрешения на самолет не посадят.

На пути домой я увидел машину Мустанга. Увидел ее внезапно, потому резко затормозил. Я хотел спросить у нее, зачем она написала не ту улицу, на которой меня остановила, не то время, и не ту скорость.

Я вышел из машины и направился к офицеру. Я был во власти своей обиды, может быть слишком резко захлопнул дверцу. Я заметил, как Мустанг в машине вскинула голову на этот звук.

— Стоять! — скомандовала.

Я остановился и стал задавать ей вопросы с расстояния в три метра. Попытался приблизиться, она не разрешала. И не отвечала.

— Зачем вы написали не ту улицу? — горячился я. — Некому, что ли, штрафы выписывать? Я превысил, может быть, на пять километров, а вы написали — на двадцать. Зачем? Ну, вы же человек, вы же не только офицер. Ну что вы молчите? Не в деньгах дело! Просто надо же правду писать!

Она молчала и как будто не обращала на меня внимания. Ее глаз за темными очками я не видел. Я не заметил, что кричу и машу руками, и не услышал, как сзади меня остановилась другая полицейская машина.

Я продолжал звать к Мустангу на своем ломаном английском, а закончил громким по-русски:

— Как вы мне все ... надоели! И ваши голые парады, и ваша держиморда-полиция, и ваши корыстные бабы со своим маркетингом!

— Ваши документы! — внезапно потребовала Мустанг.

— Будут вам сейчас документы! — пообещал я и побежал к машине. Мне показалось, что сзади кто-то что-то крикнул, но я не оглянулся. Я сел на переднее сиденье и стал рыться в бардачке. Меня трясло. Почему она со мной так? Почему нельзя мне просто хотя бы ответить?! Сердце скакало у меня не в груди, а в горле.

— Стоп! Бросай оружие! — раздалось рядом.

— Какое оружие? — оглянулся я, вынимая из бардачка свой черный бумажник с документами.

— Руки вверх! Не двигаться! — неизвестный мне молодой полисмен стоял в метре от меня со странным прибором в руках. Он тоже был в темных очках. Да что ж они все, как роботы?..

— У меня нет оружия! — крикнул я и тут же вспомнил, что мои документы не в бумажнике, а во внутреннем кармане куртки, на груди. Я засунул руку в карман, и когда стал вынимать ее, случилось нечто странное, я даже не успел понять, что.

Внутреннее полицейское расследование показало, что погибший А. Суханкин в день инцидента был оштрафован за превышение скорости и в отместку за это через час разыскал офицера полиции. До этого он обругал служащего министерства транспорта, и свидетели из очереди подтвердили, что мужчина выбежал из офиса министерства с пылающим лицом, ругаясь.

Г-н Суханкин нашел офицера полиции Эрин Уайтмор и стал угрожать ей расправой. Затем он побежал в машину, чтобы взять оружие. На требования полицейского наряда, оказавшегося свидетелем сцены, не реагировал. При попытке Суханкина вытащить оружие офицер Роберт Уиллис применил к нему Taser — электрошоковый пистолет.

Случайные прохожие подтвердили, что мужчина кричал на женщину-офицера, а затем побежал к своему автомобилю и стал рыться, как будто что-то искал. Бывшая супруга погибшего Ирина Суханкина сообщила, что ее муж принимал таблетки от депрессии, иногда выпивал, и был груб и нетерпим. Он неоднократно на почве гомофобии оскорблял ее и ее гражданского партнера Барбару Миллер, грозился убить г-жу Миллер и г-жу Суханкину, говорил, что их несовершеннолетней дочери такая мать не нужна. Г-жа Суханкина также подтвердила, что у ее супруга было больное сердце. В машине А. Суханкина обнаружен перочинный нож, который мог бы быть употреблен для убийства.

Патологоанатомическая экспертиза показала, что у погибшего Суханкина был врожденный порок сердца, и организм не вынес удара электрошоком. Внутреннее полицейское расследование показало, что офицер Роберт Уиллис действовал в соответствии с инструкциями, защищая общественную безопасность.

Марусю отдали матери.